

В этот момент Юй Шанчжи отчётливо задумался: кто же такой этот Цзиньху?

Обычный слуга из дома Цянь и вдруг пользуется такой властью у уездных стражей? Даже его, случайного проходящего лекаря, тянут в ямен как подозреваемого. Неужели рассчитывают, что смогут выбить из него нужные показания силой?

Но прежде, чем он успел заговорить, рядом с ним вспыхнул Вэнь Ецай. Он сразу понял, что перед ним не те стражи, что помогли им в прошлый раз. Хотя и работают в одном уезде, но разница в подходе была разительной и возмущала до глубины души.

— Да как вы смеее так поступать?! — воскликнул Вэнь Ецай. — Даже не разобравшись, хватаете людей и тащите в ямен! Где же справедливость?!

Он решительно встал перед Юй Шанчжи, не давая тем подойти ближе, и открыто бросил вызов обоим стражам.

— И с каких это пор у простого гера есть право голоса?! — фыркнул один из них. — Если не заткнёшься, вы оба, голубки, отправитесь в камеру, там и пообщаетесь!

Эти слова были уже самой настоящей угрозой. Вэнь Ецай прикусил губу от бессилия и злости, но тут почувствовал, как рядом стоящий Юй Шанчжи крепко сжал его руку. Внутри у Юй Шанчжи закипало, сейчас он действительно жалел о своей прежней импульсивности. Он осознал, насколько недооценил реальность сословной иерархии этого мира: им, простым сельчанам без знатного происхождения и связей, даже на таком крохотном уездном уровне с лёгкостью могли заткнуть рот, растоптать и сделать крайними.

Но...

Его взгляд прошёл мимо двух несправедливых стражников и остановился на Цзиньху и других слугах из дома Цяней. И в этом, как ни странно, была их слабость: да, те вызывали злобу именно потому, что были людьми семьи Цянь, но это же обстоятельство можно было попробовать обернуть себе на пользу.

Он ведь действительно спас когда-то маленького наследника этой семьи — сына, которого Цянь-юаньвай с женой холили как зеницу ока. Если удастся как-то связаться с семьёй Цянь, а ещё лучше попасть на приём к той благовоспитанной госпоже, что показалась ему человеком разумным, возможно, удастся переломить ситуацию.

При этой мысли Юй Шанчжи даже усмехнулся про себя. Цянь-юаньвай — почти что местный царь в Лянси, а они — два безродных сельских жителя. Что уж тут говорить?

Он ещё искал способ, как бы подать весть в дом Цянь, как стражники, окончательно потеряв терпение, уже шагнули вперёд, подгоняя Юй Шанчжи и хозяина закуской, выводя их за

дверь.

В этот момент взгляды Юй Шанчжи и хозяина пересеклись — в глазах последнего читалась глубокая вина. Он явно понимал: если бы не его сиюминутный жест, молодой лекарь, возможно, и не оказался бы втянут в этот водоворот. Однако при стражниках говорить откровенно никто не рискнул бы.

Юй Шанчжи незаметно бросил взгляд Вэнь Ецаю, взгляд был коротким, но предельно выразительным - он указал глазами в сторону улицы Юаньбао-сян. Вэнь Ецай мгновенно всё понял и с силой кивнул: он понял, что делать.

Как и говорилось, закусовая находилась всего в паре улиц от уездной управы. Толпа, собравшаяся посмотреть на скандал, теперь потянулась следом — для уездного городка такая процессия была редким зрелищем. А поскольку допрос в ямене проходит открыто, любой желающий мог быть свидетелем, и многие из прохожих, услышав подробности, тут же присоединялись к уже немаленькой процессии.

Шествие было столь шумным, что стражникам приходилось то и дело оборачиваться и окриковать толпу. Но против толпы и закон бессилён, сколько бы ни ругались стражи, остановить деревенскую тягу к зрелищу они не могли.

А тем временем, в стороне от всей этой суеты, в лавке вееров.

Цянь Юньли, молодой наследник дома Цянь, с раздражением отшвырнул в сторону уже восьмой по счёту складной веер. Будучи типичным избалованным юнцом, он не гнушался прикрывать свою лень и глупость «любовью к изысканному» — дома у него и так был целый ворох вееров с золотыми инкрустациями, инкрустацией из нефрита и драгоценных камней, и он чуть ли не круглый год носил один из них с собой.

Но сегодня всё было не так: ни один веер его не устроил, и теперь он вяло развалился в бамбуковом кресле лавки, а стоящий рядом слуга обмахивал его другой, простой бамбуковой веялкой.

— Скука смертная, — протянул Цянь Юньли, — всё надоело. Дома только и слышишь нравоучения от старика и этой занудной старшей сестры. А выйдешь на улицу, и тут ничего интересного.

Он обернулся к слуге:

— Цзиньбао, а ты не знаешь, племянник управляющего Цзинь, этот Цзиньху, сегодня в поместье? Он-то хоть умеет веселиться.

Слуга по имени Цзиньбао в этот момент готов был встать на колени и со слезами

благодарности поблагодарить своего неугомонного господина — не за доброту, конечно, а за то, что наконец дал повод вмешаться.

Цзиньху, что пристроился в поместье Цяней по протекции дяди-управляющего, на деле был самым настоящим уличным прощелыгой. Если молодой господин продолжит с ним якшаться, то о всяком исправлении можно забыть раз и навсегда, а значит, Цзиньбао и сам обречён на «счастливое» будущее: каждый раз, как господину влетают десять ударов за шалости, ему, как слуге, все двадцать.

Он уже собирался выдумать на ходу какую-нибудь отговорку, лишь бы отвлечь своего взбалмошного господина от мысли о Цзиньху. Если ещё раз госпожа или старшая дочь семьи увидят, как молодой господин разгуливает с той шайкой бездельников, тому точно обеспечена ссылка в зал предков с копированием сутр до посинения.

— Молодой господин, дело в том, что Цзиньху он...

Но не успел он вымолвить хоть что-то, как его непоседливый господин вдруг подскочил с кресла, как карп из воды:

— Цзиньбао! Ты видел? Это ведь был Цзиньху, мимо сейчас прошёл!

Через мгновение бедняга Цзиньбао уже, страдальчески кривясь, семенил за Цянь Юньли, который помчался вслед за толпой, направляющейся к управе. А вместе с ней и тот самый Цзиньху, зачем-то ведомый стражами.

Но чем дальше шёл Цянь Юньли в хвосте процессии, тем яснее становилось — среди всей этой пёстрой толпы он вдруг заметил до боли знакомую спину.

И тут же один из сопровождавших его стражников с преувеличенной радостью воскликнул:

— А я-то думал, кто это тут у нас... Оказывается, сам молодой господин Цянь! Какой ветер вас занёс в эту сторону?

Улица была неширокой, и стоило Цянь Юньли немного ускорить шаг, как его сразу заметили оба стражника. Если уж говорить, что Цянь-юаньвай — неофициальный владыка уезда Лянси, то его сын — настоящий местный «наследный принц». Стражники, завидев его, обрадовались так, будто увидели родного отца. Старший даже заулыбался так широко, что «гусиные лапки» у глаз едва не слиплись.

Цянь Юньли, впрочем, не утруждал себя запоминанием лиц уездных стражей, и, хотя те заискивали перед ним, он только холодно вскинул подбородок, едва удостоив их взглядом.

— Вижу среди арестованных людей из нашего дома, — лениво бросил он. — Что они

натворили?

К этому моменту Цзиньху и его поделщики уже подошли ближе. Все, как по команде, сгорбились и хором поклонились:

— Младший господин!

Как только все поклонились, они будто только сейчас вспомнили про свою «болезнь», один за другим снова начали слабо сжимать животы, изображая страдание.

Эта сцена показалась Цянь Юньли странной.

— Цзиньху, что с вами со всеми? Все за животы схватились — траванулись, что ли?

Оба стражника, поняв, что перед ними открылся редкий шанс «засветиться» перед молодым господином, начали наперебой пересказывать историю — кто как мог, с нужными акцентами и толкованиями, разумеется.

Цянь Юньли слушал вполуха. На хозяина закусочной и того самого молодого лекаря он даже не удосужился взглянуть. Помахивая своим вычурным веером и лениво зевнув, он бросил:

— Из-за какой-то ерунды вы тянете за собой в управление всю нашу прислугу? Штрафуйте ту закусочную и дело с концом.

Патрульные переглянулись, на их лицах отразилось замешательство. Было видно, что такой поворот вызывает у них затруднение, но, скорее всего, они в итоге поступят именно так, сейчас же просто обдумывают, как именно спустить дело на тормозах, и как при этом оформить наказание для хозяина закусочной и лекаря.

А Цзиньху, всё ещё стоя с опущенной головой перед Цянь Юньли, в тот момент, когда на него никто не смотрел, едва заметно усмехнулся. Сегодняшняя случайная встреча с молодым господином на улице просто подарок судьбы. Первоначально ещё предстояло потратить кучу слов в управе, чтобы дожать дело, но теперь, похоже, всё решится само собой - руками стражи удастся запросто уничтожить ту чёртову закусочную.

А как только лавка освободится, её место можно будет передать семье той самой девицы, что ему приглянулась. На деле, если бы не её постоянные слёзы и уговоры, что ей «нужна именно эта лавка», он бы и не затеял всей этой показухи. В конце концов, он всего лишь слуга в доме Цяней. Если бы у него была хоть часть влияния его дяди, старшего управляющего, тогда он бы просто отобрал лавку силой, и никто бы слова не посмел сказать.

Думая об этом, Цзиньху бросил пылающий взгляд на Цянь Юньли. С первого же дня, как он попал в дом, он знал: если сумеет втереться в доверие к этому избалованному юнцу, в будущем

можно будет выбиться в люди безо всякого труда.

Но в этот момент, когда Цзиньху смотрел на него с немым почтением и надеждой, Цянь Юньли даже не удостоил его взглядом.

Цзиньху, заметив, что Цянь Юньли вдруг смотрит вовсе не на него, а мимо — с недоумением обернулся и взглянул туда же... и взгляд его тут же наткнулся на глаза того самого, многословного молодого лекаря. В этих глазах было что-то тёмное, глубокое, как омут. Ни страха, ни суеты — лишь хладнокровие и спокойствие.

Цзиньху холодно усмехнулся: такие мелкие людишки из захудалых семейств никогда не понимали, где их место. Босоногий лекарь, что бродит по улицам? Да в сравнении с усадьбой Цянь его и муравьём называть честь. А теперь, когда за его спиной стоит сам молодой господин Цянь, он чувствовал себя всесильным. Он уже набрал в рот слюну и собирался смачно плюнуть в сторону этого «не знающего, что такое страх» паренька...

Но тут произошло нечто, что буквально перевернуло весь его мир. Цянь Юньли вдруг быстро пошёл... именно к этому лекарю.

А следующее, что он сказал, ударило по мозгу Цзиньху, словно гром среди ясного неба:

— Так вы и есть тот самый господин Юй-ланчжун! Если бы Цзиньбао не подсказал, я бы и не узнал... Простите, простите! Благодетель, позвольте Юньли склониться перед вами в знак глубочайшей благодарности!

Благодетель?..

Какая ещё... благодарность?..

На какое-то мгновение у Цзиньху словно отключилось сознание — он просто стоял, не в силах осознать, что вообще происходит и на каком языке говорят окружающие.

Ошарашены были не только Цзиньху, но и все прочие слуги дома Цянь, и даже оба уездных стражника.

На глазах у всей толпы молодой господин Цянь, с округлым лицом, в котором ещё не исчезли детские черты, низко поклонился Юй Шанчжи — мужчине, заметно выше его ростом.

Юй Шанчжи же поспешно протянул руку, чтобы поддержать его за локоть, при этом воскликнув:

— Ни в коем случае, не стоит!

Цзиньху наблюдал за происходящим, будто в кошмаре — по телу будто побежал холодный пот. Этот Цянь Юньли, этот юный хулиган, чьего слова в доме боялись все, кроме самого старика и двух старших женщин, он же в жизни никому так не кланялся, как сейчас.

Юй Шанчжи и сам не ожидал, что встретит здесь Цянь Юньли, и тем более, что его слуга узнает его. В тот день, когда он спасал юного господина, тот уже не был в себе, извергал желчь, задыхался — впору было думать, что всё кончено. А теперь, глядя на него, не скажешь, что он вообще болел.

Подняв его, Юй Шанчжи сдержанно, но почтительно ответил поклоном:

— Приветствую вас, молодой господин Цянь. То, что я тогда оказался рядом, простое совпадение. А спасение жизни - это долг каждого врача. Господину не стоит принимать это так близко к сердцу.

Слова были сказаны сдержанно, уважительно, но без раболепия. А вот для всех остальных всё было предельно ясно: этот молодой лекарь однажды спас жизнь самому молодому господину Цяню, и тот признал этот долг.

Два стражника, услышав всё и увидев, как Цянь Юньли буквально кланяется Юй Шанчжи, только и могли, что судорожно втягивать воздух сквозь зубы. Они тут же метнули в сторону Цзиньху такие взгляды, будто готовы были его прибить на месте. Если бы не этот подлец, устроивший сегодня весь этот фарс, им бы не пришлось ради пары медяков «благодарности» нажать себе такую головную боль и, главное — вступить в немилость у самого Цянь Юньли, этого большого Будды с характером демона.

— Господин Юй, вы что! — воскликнул Цянь Юньли. — Спасение жизни - этот долг я никогда не забуду!

Хотя Цянь Юньли был избалован, рос в шелках и золоте, и во всех своих выходках был классическим образцом юного шалопая, именно такие люди, как ни странно, больше всего боятся смерти. Выросший в роскоши, он всегда считал, что смерть — это что-то далёкое, несвойственное «таким, как он». И только в тот вечер, когда, напившись, его начало рвать у стены, и вдруг его сковал приступ удушья, он впервые по-настоящему почувствовал, как близко может быть смерть.

Страх, испытанный тогда, преследовал его ещё несколько дней в виде ночных кошмаров. Позже его старшая сестра, Цянь Юньшу, рассказала ему, что его спас какой-то странствующий лекарь, и что она уже отблагодарила того человека.

Но Цянь Юньли это не отпустил. Он считал себя «человеком чести» (в своём, весьма специфическом понимании) и с того момента дал себе слово: когда-нибудь он обязательно

найдёт своего спасителя и оплатит за спасённую жизнь втройне.

Цянь Юньли, конечно, совсем не ожидал, что его встреча с Юй Шанчжи произойдёт при таких обстоятельствах.

— Благодетель, как же так вышло, что из-за какой-то мелкой ссоры между нашей прислугой и закуской вас тоже втянули в это дело? — возмущённо воскликнул он. — Сейчас же скажу этим стражам, чтобы вас немедленно отпустили!

Но на самом деле и говорить-то было не нужно - два стражника уже вовсю улыбались, как могли, и торопливо подходили ближе.

Поймав момент, старший, по фамилии Юй, первым заговорил:

— Молодой господин Цянь, всё это большое недоразумение! Мы вовсе не собирались обвинять господина Юй-ланчжуна. Мы лишь хотели пригласить его в управление... эээ... чтобы он дал показания, как свидетель.

Другой, по фамилии Лю, тут же подхватил:

— Да-да, именно так! Мы хотели, чтобы господин Юй-ланчжун осмотрел ваших людей и установил, действительно ли еда в закусочной была испорчена.

Оба вещали так красиво, словно всё с самого начала было именно так, а не иначе. Во время речи они не раз бросали взгляды в сторону Юй Шанчжи, в надежде, что он хотя бы кивнёт и «даст им спуститься с лестницы».

Но лицо Юй Шанчжи оставалось совершенно неподвижным, будто вырезанным из камня. Ни сочувствия, ни поддержки, лишь хладнокровная отстранённость.

Внутренне оба стражника выругались, но ничего поделать не могли.

А кто такой теперь Цзиньху? Перед спасителем молодого господина — ничтожество. Они прекрасно понимали, кого можно обидеть, а к кому лучше даже не приближаться без поклона. Их идеальный выход? Отпустить Юй Шанчжи прямо здесь, на месте, а в управление сопроводить только владельца закусочной и Цзиньху с его компанией — «для вида», чтобы закрыть дело без последствий.

Но кто мог подумать, что молодой господин Цянь окажется совсем не из тех, кто действует по шаблону? Он неожиданно хлопнул своим веером по ладони, глаза засветились любопытством и

восторгом:

— А чего мы ждём? Тогда быстрее в управление! Я хочу лично посмотреть, как мой благодетель лечит и помогает раскрывать дела!

Цянь Юньли, которому и впрямь было смертельно скучно, внезапно нашёл себе отличное развлечение: наблюдать за допросом, да ещё с участием того самого спасителя. Возможность хоть как-то поучаствовать в «следствии» зажгла его нешуточный интерес.

— Прошу, благодетель, вперёд! — с воодушевлением воскликнул он.

Не обращая внимания на двух стражников, он сам двинулся рядом с Юй Шанчжи в сторону уездной управы. По пути он не забывал приговаривать:

— Такая встреча не иначе как судьба! Когда дело уладим, обязательно дайте мне шанс — приглашаю вас в «Жусянь цзюлоу» на ужин. Хоть отблагодарю по-человечески.

При таком развитии событий у стражников, конечно же, не могло остаться ни одного возражения. Они тут же пришли в себя и заорали на Цзиньху и его шайку:

— Что встали, как вкопанные? Живо за нами!

А вспомнив, что лекарь, очевидно, заодно с хозяином закуской, те уже и не посмели ни слова сказать в его сторону, теперь только старательно делали вид, будто никого не хотели обидеть.

По дороге к уездной управе Цянь Юньли оказался настоящим болтуном - ходил кругами вокруг Юй Шанчжи и не замолкал ни на минуту:

— Вы не представляете! Как только я вернулся домой, старшая сестра так вас расхваливала, что чуть ли не до небес. Говорила, мол, вы, несмотря на молодость, спокоен в беде, умен, да ещё и с виду приятный... Сегодня увидел вас сам - и правда...

Он явно хотел подобрать пышные слова, чтобы выразить восхищение, но знаний-то не хватало, учёба для него была делом посторонним. Вот он и споткнулся на полуслове, надул щёки, попытался что-то выдать... но безрезультатно.

Цзиньбао сбоку только и успевал бешено махать веером, пытаясь скрыть неловкость ситуации.

— Ну в общем, — махнул рукой Цянь Юньли, — ты меня понял. Даже мать моя хотела бы с вами познакомиться.

Ему на вид было всего лет шестнадцать с небольшим, по меркам того времени уже возраст для женитьбы. Но в глазах Юй Шанчжи он выглядел не иначе как капризный, избалованный подросток, выросший в роскоши и непонимающий простых реалий жизни.

— Для меня честь, что госпожа Цянь так отзывается, но я недостоин, — вежливо ответил Юй Шанчжи.

Цянь Юньли, привыкший к такого рода вежливостям, не придавал значения, он был уверен, что если захочет пригласить Юй-ланчжуна в дом, тот не посмеет отказаться.

Вскоре вся процессия подошла к ямену. Юй Шанчжи с интересом отметил: даже сами чиновники на входе, увидев молодого господина Цяня, тут же вежливо кивнули и склонились, не смея проявить равнодушие.

Чиновники у ворот тут же среагировали: по первому же знаку распорядились принести кресло, и Цянь Юньли с важным видом уселся прямо посреди зала, ни капли не смущаясь. Он радушно пригласил Юй Шанчжи сесть рядом, но тот вежливо отказался, оставаясь стоять.

Тем временем уездный чжэньчжан\* уже выслушал доклад двух стражников. Достаточно было беглого взгляда на их виляющие глаза и невнятные объяснения, чтобы понять — дело нечисто. Очевидно, зачинщики подсунули им «плату за молчание», а теперь, как говорят, "большая вода залила храм Драконьего царя", и горячую картофелину перекинули ему в руки.

(ПП: чжэньчжан - глава маленького городка или деревни, председатель)

Стражи Юй и Лю, видя выражение лица чжэньчжана, тоже всё поняли - скорее всего, им уже не избежать наказания. Потому теперь они лишь молча и быстро подвели всех участников дела в главный зал.

Надо понимать, что уездное управление — не то же самое, что уездный суд, а чжэньчжан — вовсе не чиновник в полном смысле слова. Его максимум — звание «служителя» (□), обычно такие должности доверяли уважаемым людям: бывшим учащимся, деревенским знатокам или, как в данном случае, бывшим участникам экзаменов.

Сейчас пост главы Лянси занимал некий господин Хэ по имени Хэ Фаньюань — человек, когда-то успешно сдавший экзамен и ставший цзюйжэнем.

Хотя его называли «чжэньчжаном», полномочий, как у уездного судьи, он не имел. Разбирательства в таких местах больше напоминали сельские советы — не судебные разборки, а скорее попытку примирения сторон и урегулирования споров.

Разумеется, если спор не поддаётся примирению или дело действительно касается нарушения закона, уездные стражники обязаны сопроводить виновных в уездный суд, где уже решает всё

уездный судья.

Что же касается этого инцидента...

Хэ Фаньюань тяжело вздохнул. Любому здравомыслящему человеку было понятно: слуги дома Цяней, прикрываясь именем господ, устроили настоящее беззаконие. А вот по-настоящему удивительным было то, что в этот раз ближайшим к господину Цяню оказался вовсе не кто-то из своей прислуги, а какой-то неизвестный молодой лекарь.

— Цзиньху, — строго начал он, — расскажи-ка нам, что же случилось сегодня в закуской семье Чжу? Почему вы утверждаете, будто бы в еде были вредные примеси?

Цзиньху неловко топтался на месте, не зная, куда деваться от испепеляющего взгляда Хэ Фаньюаня спереди и пристального, подозрительного взгляда своего же молодого господина сбоку.

Теперь ему ничего не оставалось, кроме как пересказать заранее приготовленную версию событий. Но рассказ его, хоть и был выучен, звучал слишком фальшиво. Если раньше стражи могли и подыграть, и промолчать, то теперь никто даже не пытался притворяться, что верит.

Хэ Фаньюань, выслушав до конца, только холодно усмехнулся.

— Глядя на вас, — со спокойно-жесткой интонацией произнёс Хэ Фаньюань, — видно, что вы — крепкие, здоровые мужики. Ни у одного не заметно признаков отравления.

Цянь Юньли, услышав это, тут же не выдержал:

— Господин чжэньчжан! Раз так, пусть мой благодетель осмотрит их! Он — врач первоклассный, не ошибётся!

Хэ Фаньюань как раз этого и ждал. Сразу же повернулся к молодому господину с улыбкой:

— Мудрость юного господина Цяня поистине достойна уважения.

После чего обратился к Юй Шанчжи:

— Раз вы лекарь, то осмотрите этих людей прямо здесь, в зале. При стольких свидетелях истина откроется сама собой.

Толпа, собравшаяся у дверей, как будто почувствовала, что дело набирает обороты. Возбуждённые голоса слышались один за другим:

— Правильно! Пусть врач посмотрит! Тогда и узнаем, врут они или нет!

— Закусочная старика Чжу работает на той улице уже десять лет! Не верю, чтобы его еда была испорченной!

Посреди всеобщего гомона Юй Шанчжи первым подошёл к Цзиньху.

На это дело Цзиньху привёл с собой четверых человек, все из числа тех, с кем он сдружился в доме Цянь. В отличие от него, у них не было покровительства влиятельного дяди, поэтому они всегда шли за ним, надеясь: если уж он ест мясо, то им достанется хоть суп.

Теперь же пятеро стояли в ряд, не как потерпевшие, а скорее как обвиняемые. Потупив головы, они прятали руки за спиной, явно осознав, что запахло жареным.

Юй Шанчжи открыл рот холодным, бесстрастным голосом:

— Запястья. Обе руки.

Цзиньху нехотя вытянул руки вперёд. Юй Шанчжи поочерёдно положил на запястья пальцы.

В зале и за его пределами все затаили дыхание, ожидая: если у Цзиньху всё в порядке, то пульс у него должен быть как у быка. Однако Юй Шанчжи после осмотра почему-то задумался.

— Покажи язык, — спокойно потребовал он.

Хотя это был обычный этап медицинского осмотра, сейчас, на публике, в такой обстановке, он заставил Цзиньху почувствовать себя откровенным посмешищем. Тот нехотя высунул язык. Юй Шанчжи бросил беглый взгляд и тут же заговорил — чуть громче обычного:

— Язык красный, налета почти нет. Пульс тонкий, натянутый и частый. Это вовсе не признаки болей в животе и поноса, вызванных плохой пищей. А вот жар на лице указывает на избыток ян и дефицит инь — наверняка вы часто страдаете от приливов жара, потливости по ночам, раздражительности и бессонницы. Если не лечиться, в будущем вполне вероятно преждевременная утрата мужской силы.

Едва он закончил, как среди толпы у входа раздался сдавленный смешок, кто-то из стоящих ближе не выдержал. Цзиньху готов был сквозь землю провалиться от стыда.

А Цянь Юньли тут же прижал веер к лицу и, широко распахнув абрикосовые глаза, воскликнул:

— Ах ты ж, Цзиньху! В твои-то годы, и такой недуг!

Юй Шанчжи уже переходил к следующему подозреваемому и, не торопясь, добавил:

— У мужчин в расцвете сил подобные симптомы, как правило, вызваны излишним увлечением женщинами.

Он и не собирался приукрашивать слова, ни капли не щадил репутацию Цзиньху. Тот побледнел, потом вспыхнул, скрежетал зубами от бессилия, но сказать или сделать что-либо не решался, мог лишь тяжело дышать, сдерживая злость.

А Чжу Тун, хозяин закуской, стоявший чуть в стороне, уже мысленно взывал ко всем предкам — и, когда вначале Юй Шанчжи замолчал, сердце у него замерло. Но сейчас, когда всё прояснилось, он наконец облегчённо выдохнул: этот молодой лекарь стал для его заведения настоящим спасением.

Помимо Цзиньху, осталось ещё четверо его сообщников. Они до этого старательно валялись на полу и кричали от «боли». Но теперь, когда их зачинщика так смачно разоблачили на глазах у всей толпы, стало ясно - им тоже не отвертеться.

По приказу Юй Шанчжи один за другим они вытянули руки, показали языки. Но в отличие от прежнего страха быть пойманными на лжи, теперь их больше волновало другое: только бы этот пугающе наблюдательный лекарь не озвучил их диагнозы вслух так же громко и безжалостно, как с Цзиньху.

К счастью, у трёх из оставшихся не оказалось ничего серьёзного, Юй Шанчжи убедился, что с желудком и пищеварением у них всё в порядке. Если и были какие-то недомогания, то совсем незначительные. Разве что у одного наблюдалось явное внутреннее воспаление: правая щека распухла — скорее всего, воспаление дёсен от внутреннего жара. Впрочем, ничего опасного.

А вот когда дошла очередь до пятого, Юй Шанчжи сразу насторожился — он ещё раньше обратил внимание на желтоватый оттенок кожи вокруг глаз. Сложив пальцы на запястье, он постепенно нахмурился.

— С желудком у тебя всё в порядке, — медленно сказал он, — но скажи, случаются ли у тебя сухость во рту, горечь на языке, тревожные сны, сердцебиение?

Парень, словно поражённый в самое сердце, замер. Несколько мгновений молчал, потом неуверенно кивнул.

Юй отпустил его руку и буднично добавил:

— При случае загляни в медицинский зал. Похоже, у тебя проблемы с печенью.

Осмотр завершился. Юй Шанчжи подошёл к Хэ Фаньюаню и сдержанно поклонился.

— У меня нет сомнения, — спокойно произнёс Юй Шанчжи, — здесь никто из этих людей не страдает от описанных симптомов. Их поведение и жалобы - явно притворство, направленное на очернение закуточной Чжу.

Хэ Фаньюань задумчиво кивнул. Если раньше он воспринимал Юй-ланчжуна как молодого лекаря, пытающегося впечатлить, то теперь признавал его подлинный профессионализм.

Когда Юй Шанчжи отошёл в сторону, чжэньчжан повернулся к хозяину закуточной, Чжу Тунгу:

— Господин Чжу, вы когда-нибудь раньше видели этих людей в своём заведении? Может быть, они приходили неоднократно, и мог возникнуть конфликт?

Хозяин Чжу задумался на пару мгновений, затем ответил:

— Нет, я их впервые вижу сегодня, до этого ни разу не приходили.

Затем, будто подбирая слова, добавил:

— Хотя... примерно полмесяца назад к нам приходил человек, предлагавший купить это заведение за 150 лян серебра. Я отказался, слишком маленькая цена, и слишком много значений и жертв вложено в это место. Он ушёл явно нерадостным, и... не знаю, связано ли это с сегодняшним инцидентом.

— Понятно, — кивнул чжэньчжан. — Видимо, это и есть ключ к случившемуся.

Судя по всему, истинная причина конфликта выходит за рамки простой ссоры, и сегодня всё стало на свои места.

Закусочная семьи Чжу располагалась, без преувеличения, в одном из самых оживлённых районов города Лянси, при этом в заведении имелись все необходимые удобства: столы и стулья были в полном порядке, а на втором этаже находились отдельные комнаты. Не говоря уже о ста пятидесяти лянах, назови он цену вдвое больше — триста, и наверняка нашлись бы желающие заплатить.

Хэ Фаньюань всё понял, словно перед ним стояло ясное зеркало. Он без обиняков указал на Цзиньху и резко окликнул:

— Цзиньху! Ты нарочно очерняешь закуточную семью Чжу, занимаешься вымогательством и провоцируешь беспорядки. Немедленно скажи, кто за этим стоит!

У Цзиньху от страха задрожали колени. Не успел он придумать, чем бы оправдаться, как Хэ Фаньюань уже повернулся к четырём его подручным и приказал:

— Вы хоть и не зачинщики, но и соучастия вам не избежать. Если что знаете, выкладывайте всё немедленно!

Под таким суровым нажимом у этих бесхребетных трусов, привыкших лишь следом за Цзиньху важничать, не осталось и капли мужества. Они тут же попадали на колени и, словно горох из бамбуковой трубки, выложили всё начистоту: и про связи Цзиньху с любовницей, и про их вождение к заведению семьи Чжу, и даже как делили между собой выручку, вымогаемую у хозяев.

Выслушав всё, Хэ Фаньюань повернулся в сторону Цянь Юньли.

Так как после осмотра Юй Шанчжи остался стоять рядом с креслом по настоянию Цянь Юньли, теперь он отчётливо слышала всё, что говорили.

— Молодой господин Цянь, — произнёс чжэньчжан, — поскольку дело это всё же касается домашних слуг вашего уважаемого семейства, я не осмеливаюсь брать на себя ответственность за решение. Позволю себе спросить: каковы ваши мысли относительно наказания Цзиньху и его сообщников?

Услышав это, Юй Шанчжи невольно подумал, что чжэньчжан, как и ожидалось, — настоящий проныра. В один миг он ловко перебросил мяч обратно на сторону Цянь Юньли. Теперь, даже если этот молодой господин и пожелает покрыть своих слуг, его «беспристрастность» останется якобы незапятнанной. Ведь, в конце концов, он уже сказал, что это «внутреннее дело семьи Цянь».

Однако, несмотря на то, что Цянь Юньли был сыном в семье Цянь, он никогда не занимался хозяйственными делами — напротив, его самого всегда воспитывали и ограничивали родители и старшая сестра, а за ним лишь числилось право своевольничать повсюду. Когда бы ему доводилось принимать такие решения?

По всем признакам Цзиньху с сообщниками явно оклеветали закусочную семью Чжу, и всё было совершенно очевидно. Однако если сейчас он действительно позволит уездному управлению предать их огласке и наказать, не покажется ли это, будто семья Цянь совсем уж потеряла лицо?

— Эм...

Он замялся, нерешительно похлопывая раскрытым веером по ладони, а глаза его метались туда-сюда. Взгляд его остановился на Цзиньбао, и, подумав, он спросил:

— Цзиньбао, согласно порядкам нашего дома, какое полагается наказание за подобный проступок?

Цзиньбао начинал службу с самых низов, когда-то был всего лишь мальчиком на побегушках, метущим полы, потому прекрасно знал все внутренние правила наказаний для слуг. Кроме того, он давно уже испытывал неприязнь к Цзиньху - именно из-за него он не раз попадал под раздачу и терпел наказания.

— Отвечаю, молодой господин: по правилам нашего дома, если слуга, находясь вне усадьбы, порочит репутацию семьи, и если он продан в услужение как раб, то подлежит немедленной перепродаже; если же он нанят по контракту, то подлежит немедленному изгнанию.

А среди этих пятерых только Цзиньху, будучи племянником управляющего Цзиня, не числился в рабском статусе.

Остальным же четырём не так повезло. «Немедленно продать» — это означало вызвать торговца рабами, который тут же заберёт их с собой. Рабов, выставленных на продажу от знатного дома, чаще всего сопровождала дурная слава, ведь именно за проступки их и продавали. Поэтому другие богатые семьи почти никогда не соглашались брать таких слуг, а значит, их будущее было весьма мрачным.

А если кому-то особенно не повезёт и он вызовет гнев хозяев, того и вовсе могли продать на каторжные работы — в шахты или на соляные промыслы.

Эти четверо были выходцами из бедных семей, но, попав в усадьбу семьи Цянь, вели там сытую, безбедную жизнь: еда и одежда доставались без забот, а каждый месяц ещё и жалованье платили. Им и представить было страшно, какой станет жизнь после продажи.

Мгновенно исчезла вся прежняя бравада, один за другим они попадали на колени, со слезами и ударами лбом о землю моля Цянь Юньли:

— Молодой господин, эти слуги ослепли, как будто нам свиного жира в глаза налили, последовали за Цзиньху и совершили такую глупость. Молим господина быть милосердным и не изгонять нас из дома! Просим пощадить!

— Просим пощадить, молодой господин!

— Просим пощадить!

Они наперебой били поклоны, умоляя о пощаде, чем совершенно смутили Цянь Юньли и привели его в явное замешательство.

В конце концов, окинув всех взглядом, Цянь Юньли неожиданно обратился за помощью к Юй

Шанчжи:

— Благодетель, а вы что об этом думаете?

Юй Шанчжи ведь ни чиновник уездного управления, ни человек из семьи Цянь — с какой стати ему здесь высказываться? Но слово молодого господина Цяня в этой приёмной сейчас было законом, и Юй Шанчжи, немного подумав, ответил:

— У меня действительно есть кое-какие соображения по этому поводу. Если скажу что-то бестактное, прошу не держать зла, молодой господин.

Цянь Юньли сейчас только и ждал, чтобы кто-нибудь подсказал, как поступить. Будет ли он слушать совет или нет — это другой вопрос, главное, чтобы кто-то предложил выход. Поэтому, услышав слова Юй Шанчжи, он сразу же закивал:

— Благодетель, вы излишне скромны. Говорите свободно.

Юй Шанчжи заговорил спокойно и размеренно:

— Хотя я сегодня впервые беседую с молодым господином, мне уже ясно, что вы человек откровенный, искренний, исполненный чувства справедливости. Если вы, согласно закону, распорядитесь наказать слуг, затеявших смуту, то тем самым сохраните закусную семью Чжу и её средства к существованию — вы буквально спасёте управляющего Чжу и его семью от гибели. Такая добродетель и великодушие непременно будут помниться управляющим Чжу всю жизнь. А простой народ с улицы тоже запомнит ваш сегодняшний справедливый поступок.

Во время своей речи Юй Шанчжи едва заметно поднял голову и быстро бросил взгляд в сторону босса Чжу, подавая тому немой знак, надеясь, что тот поймёт намёк.

Хозяин Чжу как раз в этот момент уловил жест, и, будучи человеком, годами занимающимся торговлей, он, конечно, обладал достаточной сметкой, чтобы правильно среагировать. Он тут же низко поклонился и, с надрывом в голосе, воскликнул:

— Молодой господин Цянь, вы столь благородны! Умоляю вас восстановить справедливость и даровать мне правду. С этого дня вы — благодетель всей моей семьи! В следующей жизни мы будем вам слугами, будем служить коровой и лошадей!

Стоило прозвучать слову «благодетель», как Юй Шанчжи тут же заметил, как выпрямилась спина у Цянь Юньли. В руке его вертелся складной веер, который он то раскрывал, то снова складывал, пока, наконец, с громким «пах!» не шлёпнул им по подлокотнику кресла.

И тут же все присутствующие увидели, как Цянь Юньли решительно поднялся и широкими шагами направился к Цзиньху и его сообщникам.

Цзиньху, поникший и робкий, даже не осмеливался поднять голову. В душе он всё ещё лелеял надежду: он ведь всё-таки человек не из простых, племянник управляющего, к тому же всегда пользовался благосклонностью Цянь Юньли. Значит, даже если остальных и накажут, ему-то наверняка сделают поблажку...

Кто бы мог подумать, что едва эта мысль мелькнула у Цзиньху в голове, как он тут же увидел, как Цянь Юньли высоко занёс ногу, и в следующий миг мощный пинок угодил ему прямо в грудь. От ужаса Цзиньху даже не успел прикрыться и получил удар всей тяжестью, что сбил его с ног: он не удержался и рухнул наземь.

Снаружи, у ворот уездного управления, тут же раздались возгласы изумления, и Цянь Юньли в тот же миг почувствовал, что поступил абсолютно правильно.

— Ах ты, Цзиньху! — воскликнул он. — А я ведь подумывал перевести тебя ко мне в двор! Не думай, будто я не в курсе, ты нередко прикрывался моим именем, чтобы важничать и самодурствовать на людях. Сегодня я покажу тебе, на что способен настоящий молодой господин!

С этими словами он закатал рукава, размахнул складным веером и несколько раз с хрустом хлестнул Цзиньху по лицу его деревянной основой. Затем, указывая на его едва не сломанный нос, яростно прокричал:

— Вернись домой, сразу доложу матери, пусть отправит тебя в деревню, будешь там навоз таскать и землю копать!

В глазах Цянь Юньли, участь, равная жизни бедных арендаторов — таскать навоз и поливать им грядки — была, без сомнения, самым ужасным наказанием, какое только мог себе представить.

В доме и прежде случалось, что слуг, не имевших долгового контракта, вроде Цзиньху, наказывали отправкой на загородное поместье заниматься земледелием. Каждый раз, когда он краем уха слышал, как мать приказывала кому-то из провинившихся идти на поля, его самого пробирала дрожь — казалось, будто в нос уже ударяет тот ужасный, удушающий смрад.

А вот теперь, когда он сам произнёс этот приговор, внутри у него было невыразимо сладкое чувство, такое облегчение и восторг, каких он прежде не знал.

Как только он закончил говорить, из толпы вдруг вырвались одинокие аплодисменты. Но вскоре хлопать начали и другие — всё больше людей, и до ушей Цянь Юньли донеслись голоса собравшихся:

— Хоть молодой господин семьи Цянь и молод ещё, но, гляди-ка, знает, что к чему!

— Слуги семьи Цянь давно уже притесняли честной народ на всём городе, теперь же, получив по заслугам, это и другим в назидание будет!

— Юный господин честен и справедлив, впереди его ждёт большое будущее!

Конечно, в этих словах явно слышалось и показное одобрение от жителей городка, старающихся при случае польстить. Но, судя по выражению лица Цянь Юньли, он уже весь ушёл в этот момент и был буквально окрылён.

Цянь Юньли не удержался и пнул Цзиньху ещё раз, после чего, оставшись на месте, повернулся к Хэ Фаньюаню:

— По уставу уездного управления, разве не полагается ещё выпороть их или взыскать штраф? Давайте, тащите плётки и палки, серебро я заплачу сам. После этого мне надо срочно сопроводить их обратно в дом, продам всех до одного.

Хэ Фаньюань поспешно закивал:

— Да-да, именно так!

Он немедленно приказал подчинённым принести орудия для наказания.

Увидев, что у Цзиньху и остальных больше нет покровителей и всё кончено, исполнители не стали церемониться, били плетью с полной силой. Вскоре двор наполнился их воплями, и последние остатки достоинства провинившихся были втоптаны в грязь.

В это время Цзиньбао, по указанию Цянь Юньли, вытащил банкноту на сто лян и передал его Чжу Туну. Цянь Юньли бросил на него взгляд и недовольно фыркнул:

— Сто лян? Что с ними делать, разве только на одно угощение хватит. Достань ещё один.

У Цзиньбао помутилось в глазах. Молодой господин, по всей видимости, принимает закусочную семьи Чжу за дорогой ресторан — а ведь у них там и блюда-то стоят всего по несколько цяней!

Но Цянь Юньли в этом ничего не понимал, да ему и дела не было. Тем более, что даже за эти сто лян у босса Чжу уже руки дрожали от волнения. Серебро из семьи Цянь было словно раскалённым в руках, и Чжу Тун по-настоящему боялся его принять. Но в глазах Цянь Юньли сотня лян, пожалуй, воспринималась примерно так же, как для обычного горожанина сто вэнь, деньги, конечно, но не столь уж значительные.

Когда он узнал, что Цзиньбао и вправду вышел из дома всего с одной серебряной купюрой, у

него тут же насупились брови. Немного подумав, он вытащил из рук сверкающий золотистый веер и вручил его Чжу Туну.

— Эта вещица, если сдать в ломбард, принесет не меньше сотни лян. Считай, это тебе от меня подарок.

Этот веер ещё недавно ему очень нравился, но в последнее время начал приедаться, иначе он бы сегодня и не пошёл в мастерскую подбирать себе новый.

Чжу Тун остолбенел: в одной руке у него была лёгкая серебряная купюра, в другой — тяжёлая веерная оправа из кости. Всё произошедшее казалось ему по-настоящему невероятным, будто из какого-то вымысла. Он даже подумал, что если расскажет об этом дома жене и детям, и те вряд ли поверят.

Тем временем, на помосте завершилось исполнение наказания. Пятерых избитых людей бросили на землю, словно прорванные мешки, казалось, они уже не в силах пошевелиться.

Цянь Юньли с отвращением взглянул на них и, кривя губы, кивнул подбородком в сторону Цзиньбао:

— Живо беги домой, позови людей, пусть свяжут их и тащат обратно. Будем разбираться по-настоящему.

Цзиньбао хоть и не хотел оставлять молодого господина одного, но, видя его решимость, не посмел возражать и поспешил исполнить приказ. А Чжу Тун, всё ещё не до конца осознав, что с ним произошло, с серебряной купюрой и тяжёлым веером за пазухой, как во сне покинул помещение.

Из оставшихся в зале людей Цянь Юньли вежливо, но решительно отказался от предложения Хэ Фаньюаня остаться вместе с Юй Шанчжи на чашку чая.

Чай? В этом убогом уездном управлении? Что здесь может быть за чай?

Если пить чай, то только в беседке за садом дома Цянь, среди пруда, цветов и с девушкой, перебирающей струны цитры.

Он потянул Юй Шанчжи за собой, выходя наружу, и с жаром заговорил:

— Благодетель, если бы не ваши слова, я бы и сам до сих пор не сообразил, что к чему!

При этом он не забыл и сам себя похвалить:

— Ну вот, теперь всё улажено, и столь крупное дело удалось благополучно уладить лично мне, молодому господину! Посмотрим теперь, кто ещё осмелится меня недооценивать!

Раньше Цянь Юньли лишь и умел, что доставлять неприятности, куда бы ни пришёл, всюду поднималась суматоха. А теперь он впервые в жизни испытал, каково это, когда тебя называют «благодетелем» и хвалят за справедливость и разум.

Юй Шанчжи смотрел на него, в лице которого ещё сохранялись черты детской наивности, и чувство у него было сложное. Он лишь надеялся, что его сегодняшние слова и поступки станут для этого юноши хоть каким-то добрым ориентиром — может быть, с годами в городе Лянси станет чуточку больше справедливости. А иначе, если однажды этот малолетний сорвиголова и впрямь унаследует хозяйство семьи Цянь, тогда в городе и вовсе наступят тьма и хаос куда хуже нынешнего.

Пока в ушах всё ещё звучал нескончаемый голос Цянь Юньли, сердце Юй Шанчжи тем временем уже давно сжималось от беспокойства.

Он сам уже выбрался из передраги, а вот как там дела у Вэнь Ецая, оставалось неизвестным. По идее он отправился в поместье семьи Цянь достаточно давно, и если бы нужный человек нашёлся, уже должен был бы появиться. Не случилось ли там каких-либо затруднений?

Юй Шанчжи нахмурился, нахлынувшая тревога отчётливо отразилась на лице. Но внезапно, скользнув взглядом по толпе у ворот уездного управления, он заметил знакомый силуэт, который махал ему рукой. Кто же это, как не его супруг?

Причём Вэнь Ецай прибыл не один. Рядом с ним стояла сама старшая госпожа семьи Цянь — Цянь Юньшу, а позади них следовали две молоденькие горничные.

А в это время Цянь Юньли рядом с ним был в самом разгаре рассказа, увлечённо и громко делясь своими обидами:

— Моя старшая сестра всё время тайком на меня ябедничает! Стоит ей донести, мать тут же сердится и велит мне переписывать книги — сначала уроки, потом сутры! Вот и теперь, когда я вернусь, заставлю-ка я её саму писать! Пусть испишет восемь, а лучше десять раз! Посмотрим, станет ли она ещё измываться надо мной!

Юй Шанчжи в молчании отвёл взгляд в сторону, и в этот момент неподалёку раздался тягучий, прохладный женский голос:

— Маленький господин Цянь, кого, ты, говоришь, собираешься заставить переписывать? Повтори, если посмеешь.